

ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» И РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ*

В статье А.В. Завражина речь идет о реорганизации системы образования в России в период царствования Николая I, в 20 – 40-е годы XIX столетия. В основу царской политики была положена теория «официальной народности», ядро которой составляла идеологическая триада монархии – православие, самодержавие, народность. Теория имела своей целью подчинить всю систему просвещения в стране воле монарха, дабы избежать возможности революционных потрясений в России; осуществить политику русификации на всех подчиненных территориях и ввести имперский патриотизм как главный элемент идеологии самодержавия в воспитании русских молодых людей.

Ключевые понятия: «официальная народность»; идеологическая триада монархии; православие, самодержавие, народность; концепция «официального национализма»; политика русификации; имперский патриотизм.

Процесс построения гражданского общества, создание эффективной экономики, укрепление безопасности государства немыслимы без решения одной из первоочередных задач – повышения качества образования в Российской Федерации. Центральным, стержневым элементом реализации этой задачи является осуществление приоритетного национального проекта «Образование», комплексных проектов совершенствования региональных систем образования, которые стимулируют многие изменения в образовательных системах различного уровня.

В этой связи было бы целесообразно пересмотреть весь образовательный процесс с учетом национальных традиций и исторического опыта страны. Перестраивать его как бы через призму тех исторических уроков прошлых столетий, которые позволили значительно поднять и расширить всю систему образования в России, придав ей государственную направленность в соответствии с интересами и потребностями обучения и воспитания подрастающего поколения.

20-30-е гг. XIX века характеризуются стремлением российского самодержавия укрепить свою власть, сохранить имперский характер политического мировоззрения общества. После известных событий 14 декабря 1825 года и сделанных из них выводов Николай I ставит задачу покончить с «полуобразованностью», которая, по его мнению, создала неразбериху в умах и вызвала преступные посягательства мятежников. Становится актуальной задача не только всеобъемлющего контроля над развитием в России общественной мысли, но и возможного управления этим процессом согласно правительственным установкам. С этой целью молодой государь переходит к конкретным практическим действиям, направленным на упрочение образования и приведения его в единую систему, полностью подконтрольную государству. В числе первых создается Комитет устройства учебных заведений, учрежденный 14 мая 1826 г. Его задачей являлось обсуждение мер, необходимых для введения единства и единообразия в системе воспитания и обучения.

* © Завражин А.В.

Император пристально следил за деятельностью Комитета и самолично выносил резолюции на принимаемые им решения. Так, на решение Комитета, принятое на заседании 3 сентября 1827 г. по делу о проекте академика Г.-Ф. Паррота «Memoire sur les universities de l'interieur de la Russie», он собственноручно написал: «Из всего этого извлекаю следующее: чтоб были у нас университеты по делу, а не по одному названию, как ныне, нужно: 1. Уставы, 2. Профессоры, 3. Студенты. – 1. Уставы есть, но или не хороши, или худо соблюдаются; - стало должно исправить и строжайше Министерству просвещения смотреть за их соблюдением. 2. Профессоры: есть достойные, но их не много, и нет им наследников; их должно готовить; и для сего лучших студентов, человек двадцать, послать на два года в Дерпт, а потом в Берлин, или в Париж, и не одних, а с надежным начальником на два же года; все сие исполнить не медля. 3. Студенты; так как граф Строганов весьма справедливо заметил, у нас их нет, а называются такими сволочь шалунов, или мальчишек, не только не готовых следовать курсам университетов, но и с трудом готовящихся в высшие классы гимназий. Сие не исправится доколе Комитет будет столь медленно заниматься порученным ему делом, а пройдет еще год до появления ожидаемых мной уставов низших училищ. Я требую непременно, чтоб дело шло поспешнее» [1].

Необходимо отметить, что в заданном направлении была проведена значительная работа. В 1828 г. был принят Устав гимназий, уездных и приходских училищ, а в 1835 г. – Общий устав российских университетов. Суть этих уставов и применение их на практике неоднократно подвергались анализу в дореволюционной, советской и современной историографии. Однако именно благодаря созданному по инициативе академика Георга-Фридриха Паррота так называемому Дерптскому профессорскому институту, в российских университетах появилось молодое поколение замечательных профессоров.

В этот период ведущая роль в развитии образования принадлежала государству. Император покончил с остатками университетской автономии. Сфера образования была подчинена государственному контролю, причем этот контроль был ужесточен настолько, что даже за частным и домашним образованием был установлен надзор со стороны государства. Было произведено четкое разделение учебных заведений на разряды, соответствовавшие ступеням обучения, что позволило привести все образование в стране в определенную систему, сформировать политическое мировоззрение молодежи в строго имперском, самодержавном духе.

Необходимо отметить, что высшее образование в России являлось мужской монополией вплоть до 1872 г., когда были учреждены Женские врачебные курсы (первоначально они назывались Курсами ученых акушерок) при Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Старейшие женские учебные учреждения заведения – Смольный институт благородных девиц и аналогичный ему Екатерининский институт давали весьма специфическое образование и не готовили выпускниц к профессиональной деятельности. Хотя выпускницы могли поступать в гувернантки, все же полученное ими образование в силу своей специфичности существенно отличалось от мужского «стандарта».

Вся система образования в стране носила ярко выраженный ведомственный характер. При этом важно учитывать то, что университеты и лицеи составляли лишь часть высших учебных заведений. Хотя руководство делом народного образования в империи входило в задачу Министерства народного

просвещения, каждое министерство и главное управление имело собственные учебные заведения, которые готовили необходимых для него специалистов и давали некоторую возможность получить образование подведомственным ему категориям населения, например, кантонистам, детям государственных крестьян и т. д. [2].

Учебные заведения значительно различались по возрасту воспитанников, программам и срокам обучения, а также правам, которые предоставлялись их выпускникам. Император задался целью навести порядок в сфере образования и делал это на свой манер, далеко не всегда во благо просвещения. При нем проводился принцип жесткой централизации управления по ведомствам. Порядка в сфере образования, действительно, стало больше, и император имел все основания для того, чтобы с удовлетворением отмечать, что он привел учебные заведения к одному знаменателю.

По мере развития среднего и начального образования отпадала необходимость обучения в одном учебном заведении от азбуки до высших наук. Учебные заведения приобрели вид высших учреждений, не совмещая под одной крышей начальное, среднее и высшее образование. Ко времени университетской реформы 1835 г. в России насчитывалось 24 высших учебных заведения, в том числе 6 университетов (Московский, Дерптский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Святого Владимира в Киеве), 4 лицея (Демидовский в Ярославле, Царскосельский, Ришельевский в Одессе, князя Безбородко в Нежине) и 3 духовных академии (Киевская, Московская, Петербургская).

Из 11 оставшихся высших учебных заведений 10 находились в Санкт-Петербурге. Это были: Главный педагогический институт, Военная академия, Главное инженерное училище, Артиллерийское училище, Морской кадетский корпус, Институт инженеров путей сообщения, Институт корпуса горных инженеров, Медико-хирургическая академия, Училище правоведения, Учебное отделение для восточных языков при Восточном департаменте Министерства иностранных дел.

В ведении Министерства народного просвещения состояло 11 из 24 высших учебных заведений и больше половины всех учебных заведений страны. В учебных заведениях этого Министерства обучалось менее трети общего числа учащихся. Вместе с тем к этому периоду времени существовал ряд других учебных заведений, которые впоследствии приобрели права первого разряда (Лесной институт, Санкт-Петербургский практический технологический институт, Константиновский межевой институт, Академия художеств и др.).

Излюбленным типом учебного заведения у императора Николая I был кадетский корпус. Военизация затронула высшие учебные заведения, где изучение оружейных приемов, маршировки, парады, экзерциции отнимали много времени и подчас шли в ущерб специальным дисциплинам. Однако, несмотря на просчеты и неурядицы, процесс развития образования в стране был необратим. Ко времени Великих реформ 1860-х гг. существенно возросло число высокообразованных специалистов в России и в целом улучшилось качество образования. Император считал, что военными людьми легче командовать, поэтому философов и поэтов недолюбливал. Ему нужны были не мыслители, а исполнители – вестовые, как выразился А.И. Герцен. Будучи ярким поборником солдафонства и гонителем просвещения, царь уделял первоочередное внимание военному и инженерно-техническому образованию, направленному

на удовлетворение потребностей армии. Специальным учебным заведениям император отдавал явное предпочтение перед университетами, к которым он относился с недоверием. Так, например, Московский университет он называл «волчьим гнездом» и объезжал его стороной, когда бывал в первопрестольной столице.

Государь сознавал опасность, которой было чревато просвещение для самодержавия, и в этом его наглядно убеждал опыт Европы. Он видел, какой кровавой вакханалией, а говоря современным языком, грандиозной «гуманитарной катастрофой» закончился век Просвещения. Император слабо верил в успех, но другого пути у него не было. Без образованных людей Россия не только не могла служить оплотом монархических режимов, но сама рисковала стать легкой добычей противников. Тем самым Николай I пытался создать безопасное просвещение, чтобы уберечь империю от революционных потрясений, которым была подвержена Европа.

С целью сохранения и упрочения самодержавия Николай I сделал максимум возможного, не зря его царствование историк А.Е.Пресняков назвал апогеем самодержавия [3]. Школа была призвана не только давать знания, но и воспитывать учащихся в духе преданности престолу, во главу угла было положено воспитание политической лояльности. Этому служила сформулированная так называемая теория «официальной народности», которая была возведена в ранг государственной доктрины и на долгие годы стала идеологической основой самодержавия.

Появление теории «официальной народности» связано с именем николаевского министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова (1786-1855). Еще будучи товарищем министра, С.С. Уваров представил Николаю I отчет о ревизии Московского университета в 1832 г., где впервые сформулировал основные положения своей знаменитой триады – православие, самодержавие, народность. Именно они, по мнению С.С. Уварова, в наиболее концентрированном виде представляли собой живительные источники силы и могущества России, «последний якорь спасения» и «вернейший залог силы и величия империи». На этих началах С.С. Уваров и предлагал Николаю I построить все воспитание подрастающего поколения, формирование его политического мировоззрения, нравственности. Внедрять их в качестве основополагающих принципов отечественной литературы, искусства, науки и просвещения. Как справедливо писал С.М. Соловьев, С.С. Уваров внушил царю «мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие – будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестански; самодержавие – будучи либералом; народность – не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки»[4].

В идеологической триаде С.С. Уварова не было ничего нового. Еще Н.М. Карамзин в записке «О древней и новой России»[5] писал, что самодержавие есть «палладиум» России. И он же утверждал мысль о нерасторжимом единстве православия с самодержавием, а того и другого – с Россией. У Н.М. Карамзина не было только идеи о том, что государство должно взять на себе функции активного насаждения этих постулатов. Николай I же, глубоко поверив в них, принял их как свою программу и начал добиваться ее реализации. А способов

борьбы за свои цели у самодержца было более чем достаточно: от поддержки (моральной, а главное, материальной) адептов угодных правительству воззрений до прямого насилия над своими идейными оппонентами. Вместе с тем, развивая основные положения своей доктрины в рамках дальнейшего укрепления просвещения в России, С.С. Уваров предложил своего рода компромисс между западным просвещением и самодержавной Россией, который выразался в попытке приспособить западную науку и просвещение в целом к российской действительности, не побуждая к изменению последней. При этом русская модель развития образования, заимствуя определенные достижения европейской цивилизации, приоритет отдавала самобытным национальным принципам, отстаивающим самостоятельность империи в вопросах просвещения и политического порядка. Авторитет и неприкосновенность идеологической триады должны были стать определяющими в развитии российского образования.

В период деятельности С.С. Уварова на посту министра просвещения (1834-1849 гг.) окончательно складывается система государственного контроля над развитием образования в России [6]. В учебных округах усиливается власть попечителей, под влияние которых попадают не только низшие и средние учебные заведения, но и университеты. Новый университетский устав 1835 г. фактически лишил их прежней автономии. В результате учебный процесс стал подвергаться более жесткому контролю и регламентации со стороны властей. Политическую окраску приобретает процесс интеграции частных школ и домашних учителей в государственную систему образования. Идет процесс централизации управления государственной системой просвещения. Политика С.С. Уварова в этой области была составной частью общей внутренней политики в царствование Николая I, так как основывалась на тех же принципах государственного контроля, что и вся политическая система самодержца. В свою очередь, подобный подход позволял правительству более эффективно контролировать процесс внедрения в сознание обучающейся молодежи основных начал, заложенных в государственной идеологии, имеющей целью повысить уровень российской системы образования. По мнению министра просвещения, образование в России должно стоять на одном уровне с европейским, но сохранять при этом установленную правительством нравственную и политическую основу.

Одной из наиболее острых проблем, стоящих на пути реализации теории «официальной народности», являлась политика по отношению к дворянскому сословию. Правительством предпринимаются попытки нейтрализовать возможные опасные последствия дальнейшего самостоятельного развития европеизированной дворянской культуры. Вводится государственная система просвещения, основанная на национальных началах, трактуемых самодержавием в рамках уваровской триады. Реализация этого плана предполагалась путем полного включения представителей высшего сословия в эту систему.

В этой связи отметим, что взгляды Николая I на предназначение государства, государственной власти и монарха на основе вышеизложенного окончательно сложились к концу 40-х годов XIX века. Их суть очень удачно сформулировал один из самых близких к императору людей – Я.И. Ростовцев, ставший к тому времени крупным бюрократом. В написанном им «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» раскрывается значение личной совести для деятельности человека. «Закон совести, закон

нравственности обязателен человеку, как правило, для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный обязателен ему, как правило, для его общественных отношений», - писал Я.И. Ростовцев. Для него, как и для Николая I, воля отдельного человека и воля целого общества есть элемент анархический, который и призвана подавлять государственная власть, «чтобы охранить общество от разрушения и утвердить в нем порядок нравственный» [7]. В этом проявляется закон верховной власти, основа которого, с одной стороны, «ничем не ограниченная преданность» воле Отца небесного, с другой – «покорность земная, как данная свыше».

Основываясь на подобном понимании отношений общества и государства, Николай I, как справедливо писал А.Е. Пресняков, «пытался свести государственную власть к личному самодержавию «отца-командира», на манер военного командования, окрашенного в духе всего быта эпохи патриархально-владельческим, крепостническим пониманием всех отношений властвования и управления» [8]. К тому же огромное внимание уделялось российскому патриотизму как составной части российской триады: православие, самодержавие, народность. Российский патриотизм, точнее, русский национализм, составлял основу теории «официальной народности».

Царствование Николая I А.Е. Пресняков назвал «золотым веком русского национализма». Первый шаг в этом направлении был сделан в одном из манифестов, изданных сразу после восстания декабристов. В нем специально подчеркивалась необходимость «очистить Русь святую от заразы, извне к нам нанесенной». В манифесте, изданном по завершении следствия над декабристами, было сказано, что подавление восстания «очистило Отечество от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Утверждалось, что зараза эта пришла с Запада, так как «не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел». Для упрочения государственной власти предлагалось насаждать «отечественное, природное, не чужеземное воспитание» [9].

С.С. Уваров искал компромисс в отношениях между властью и обществом, стремясь не навязывать, а, по возможности, внушать идеи, удобные правительству, склоняя общество на свою сторону, хотя и не обходясь при этом без определенных ограничительных мер, в частности цензуры. Утверждая, что письменное обращение к публике является привилегией, которую правительство может дать и отнять по своему усмотрению [10], министр просвещения и в этой сфере действовал так же, как и в области образования. Таким образом, выдвинутый им тезис о руководящей роли правительства в развитии просвещения, а также его реализация во многом определяли и политику правительства в отношении литературы и журналистики. Несмотря на то, что цензура в николаевское царствование работала в довольно жестком режиме, С.С. Уваров, однако, был сторонником более осторожного подхода. Поощряя активную работу цензуры, он, одновременно с этим, пытался привлечь на свою сторону наибольшее число писателей и журналистов, превращая их, тем самым, в основных пропагандистов и популяризаторов государственной идеологии. Желая предотвратить проникновение и распространение в умах подданных вредных идей и понятий, С.С. Уваров на первое место ставил, прежде всего, пропаганду правительственного мнения, официальной идеологии.

Доктрина С.С. Уварова изначально имела структуру национально-государственной идеологии и включала в себя, соответственно, две одинаково зна-

чимые и взаимосвязанные идеи: национальную и государственную. Однако такая постановка вопроса наибольшую эффективность приобретала именно в центральной части России, в пределах так называемой Великороссии, вступая, при этом, в противоречие с полиэтничностью Российской империи. Концепция «официального национализма», создаваемая в рамках укрепления имперского абсолютизма, заставляла правительство реализовывать идеологическую программу во многом через унификацию империи и культурную интеграцию населяющих ее нерусских народов.

Своеобразным опорным пунктом этой политики становились западные губернии. Объединение славянских народов этого края с великороссами в единую русскую нацию должно было в значительной степени способствовать расширению базы идеологического влияния в пределах империи. Деятельность правительства в этом регионе распадается на три отдельных, но взаимосвязанных направления, условно совпадающих с уваровской триадой: укрепление позиций православной церкви, усиление государственного контроля путем полной интеграции административной и образовательной систем края в общеимперские и расширение влияния русского образования, направленного на создание единой русской народности. Деятельность министерства просвещения в Западном крае сводилась главным образом к противостоянию русского влияния польскому и римско-католическому, которые, по мнению правительства, выступали не только источником идей сепаратизма, но и активно участвовали в репрезентации западноевропейских политических учений.

Непосредственно в Царстве Польском С.С. Уваров склонен был действовать более осторожно, в отличие от польского наместника И.Ф. Паскевича и самого Николая I, пытавшихся решать вопросы административными и силовыми мерами. По мнению министра просвещения, нравственное сближение поляков с русскими в Царстве приобретало большее значение, чем сближение политическое, и должно было предшествовать последнему. Тем не менее, в данном регионе увеличивалась роль именно политических факторов, которым оказались подчинены попытки культурной ассимиляции поляков. Они были направлены на подавление идей польского национального сепаратизма и формирование верноподданнических чувств к имперской власти. Принадлежность России, пользование ее покровительством, соблюдение всех обязанностей русских верноподданных объявлялось единственным гарантом спокойного существования и стабильного развития региона. Политика в образовательной системе Царства также была интегрирована в общеимперскую систему. Однако С.С. Уваров пытался сочетать польские и русские элементы, не торопясь вытеснить первые последними. В частности, долгое время сохранял свое значение во всех сферах жизни общества польский язык.

Наиболее явственно несостоятельность политики русификации проявилась в Остзейском крае. Местное дворянство активно противодействовало любым попыткам министерства просвещения вмешаться в процесс развития образовательной системы края. Постепенно С.С. Уваров отходил от идеи исключительно умственного слияния двух народов, полагаясь больше в этом вопросе на усиление роли в регионе центральной власти.

Национальная политика правительства (особенно в Царстве Польском и Остзейском крае) сыграла значительную роль в развитии государственной идеи. В процессе противостояния местным элитам С.С. Уваров все больше ру-

ководствовался именно имперскими категориями. В результате уваровская триада распалась, и наиболее продуктивным оставался принцип самодержавия.

В 1847 г., под впечатлением раскрытия Кирило-Мефодиевского общества [11], сочетающего панславистские идеи с ярко выраженным украинофильством, для правительства актуализировалась проблема противостояния идеи общеимперского единства чисто национальному патриотизму, который за пределами центральных губерний приобрел явно двоякий смысл. Начинает более отчетливо пропагандироваться идея собственно имперского патриотизма, в которой понятие отечества тесно переплеталось с империей. Такой подход несколько размывал значение триады С.С. Уварова, однако способствовал оформлению на ее фоне действительно общеимперской идеологии.

События 1848-49 гг., произошедшие в Европе, остановили процесс идеологического творчества, сделав наиболее приоритетными ограничительные и репрессивные меры. Идеи «официальной народности» не утратили совсем своего значения, но возможность диалога власти и общества стала еще более затруднительной.

С целью обеспечения незыблемости самодержавия император считал необходимым сохранять существующее сословное разделение. В его царствование были приняты меры по ограничению доступа лиц из непривилегированных сословий к высшему образованию. Однако правительство не ставило перед собой заведомо недостижимой цели создания строго сословной школы. Сословия в России никогда не имели характера замкнутых каст. Несмотря на введение ряда сословных ограничений, продолжался процесс размывания сословной структуры, лежавшей в основе общественных отношений.

В стране среди высших учебных заведений университеты выделялись «демократичным» составом студенчества. Желая уберечь страну от каких бы то ни было революционных поползновений, правительство изменило ход дальнейшего развития образовательной политики. Университеты, как очаги вольнодумности, были поставлены на грань закрытия. Решением правительства от 30 апреля 1849 г. число студентов в каждом из шести университетов страны повелевалось сократить до трехсот человек. Однако вскоре правительство пошло на попятную, отменив нелепые ограничения. Позднее были созданы ряд новых университетов в Казани, Харькове, Варшаве.

Особое внимание Николай I уделял развитию специального, инженерно-технического и военного обучения. При его непосредственном участии был открыт целый ряд замечательных учебных заведений. Император ориентировался на лучшие мировые образцы и не скупился на затраты, когда был убежден в их реальной пользе. Он многое сделал для того, чтобы поднять качество образования, обеспечивая его материально-техническую и финансовую базу. Декларативная риторика образования в духе идей века Просвещения во время царствования Николая I постепенно приобретала ярко выраженную практическую направленность.

Реорганизация системы образования, проведенная в период царствования Николая I, оказалась довольно прочной. В последующем некоторые из ее основополагающих принципов даже перешли в советскую систему образования, где были сохранены лучшие образовательные стандарты, централизация государственного управления школой всех ступеней в сочетании с ведомствен-

ной принадлежностью и спецификой профессионального образования. В этом заключалась национальная ценность будущего российского образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИА, ф. 737, оп. 1, д.87813, л. 224 об. - 225.
2. См.: Сборник постановлений по министерству народного просвещения. – СПб., 1862.
3. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925.
4. Российские самодержцы. – М.: Международные отношения, 1985. - С. 138.
5. См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. - М.: Наука, 1991. Примечания Ю.С.Пивоварова.
6. См.: Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. //Река времен. Книга истории и культуры. – М.,1995. Кн. 1.
7. Ростовцев Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утвержденное 24 декабря 1848 г. — СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1849. — С. 34-35.
8. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I.- Л., 1925.- С. 15.
9. Пресняков А.Е. Указ. соч. – С. 15.
10. Никитенко А.В. Дневник. – Л., 1955. – Т. 1. – С. 141.
11. См.: «Мнение» о Кирило – Мефодиевцах гр. Орлова, поданное им императору Николаю // Наше минуле. Журнал історії, літератури і культури. 1918. №2; Доклад графа С.С. Уварова императору Николаю I// Там же; Об украинско - славянском обществе (из бумаг Д.П. Голохвастова) // Русский архив. 1982. № 7.

A. Zavrazhin

THE THEORY OF “OFFICIAL NATIONALITY» AND EDUCATION SYSTEM REORGANISATION IN RUSSIA

In A.V.Zavrazhina’s clause are a question of reorganization of an education system in Russia during Nikolay’s I reign, in 20- 40th years of XIX century. The theory has been put in a basis of imperial policy «An official nationality», which kernel was made with an ideological triad of a monarchy - orthodoxy, autocracy, a nationality. The theory had the purpose to subordinate all system of education in the country to will of the monarch to avoid an opportunity of revolutionary shocks in Russia; to carry out a policy of russification in all subordinated territories and to enter imperial patriotism as the main element of ideology of autocracy in education of Russian young men.

Key words: «official nationality»; ideological triad of a monarchy; Orthodoxy, autocracy, nationality; the concept of “official nationalism»; a policy of russification; imperial patriotism.